

Перевернутое дерево

Культура — 1999 — 15 — 21 апр. — с. 7

Деревенские мечтания Евгения Гора

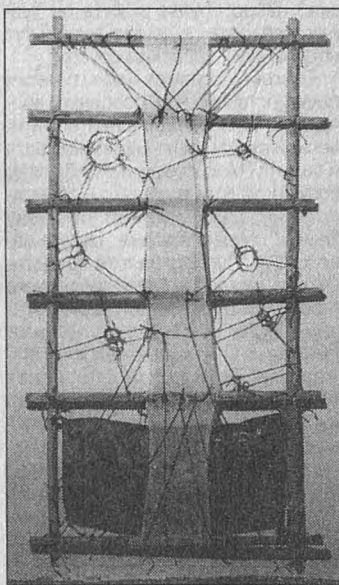
Мне уже приходилось однажды писать, что при словах "духовная" живопись или "эротический" роман я вздрагиваю. На мой взгляд, духовность и эротика — необходимые составляющие любого подлинного искусства. Писать какой-то особый "эротический" роман, как будто не все на свете романы держатся на энергии любви?! Или какую-то особую "духовную" картину, словно художнику достаточно быть проповедником?

Такие мысли посетили меня в очередной раз на вернисаже художника Евгения Гора в залах галереи "Манеж". Выставка носит название "Перевернутое дерево". Название заимствовано из каббалистической традиции, где этим символом определяется образ творения, световые эманации и т.д. и т.п. Кому-нибудь явно захочется зачислить работы такого рода в разряд "духовных". А мне кажется, что это просто искусство. Очень современное по языку и глубокое по смыслу, что редко сочетается.

Перед нами не традиционные холсты, а нечто вроде "объектов" или "инсталляций". Материалы используются чрезвычайно разнообразные — от обычных холстов и красок до дерева, веревки, лака, аэрозолей, бумаги и еще каких-то диковинных "алкидных" красок (которые у меня вызывают явно неверную ассоциацию с Алкидом-Герakлом).

Художник представил на выставке две недавние серии работ: "Деревенский" цикл и цикл "Перевернутое дерево". По сути, обе серии философичны, обе дают "образ творения", "древа жизни".

Честно говоря, "Деревенский" цикл мне показался гораздо более убедительным и даже более вдох-

Объект "Перевернутое дерево"

новенным. Хотя в нем нет ничего "специально" духовного, мистического или каббалистического. А вот заражает!

Кстати, интересно, почему на нас порой действуют очень простые вещи — размытая дорога, снежная равнина, покосившийся забор? Чтобы мы испытали духовное потрясение, художнику вовсе не обязательно уводить нас в мир философов, мистиков и прочих "ученых мужей", порой очень скучных и далеких от "чувственных", зримо воплощаемых сторон бытия.

В этом смысле "Деревенская" серия своей чувственной, зримо выразительностью оказалась для меня гораздо эмоциональнее несколько схоластич-

ной серии, давшей название выставке.

Кто-то скажет: "Да что же тут эмоционального? Хороший современный дизайн — острый, остроумный, технологически изощренный!"

В самом деле, в наши дни "беспредметное" искусство, область "объектов" явно тяготеет к дизайну или даже плавно в него переходит. Но дизайн — нечто вполне "вещественное". В русской же традиции произведение искусства никогда не вещь и даже не "красиво сделанная вещь". Это всегда нечто одушевленное, живое, напоминающее о личности творца.

Эту летучую одушевленность, заключенную в острую современную форму, встречаем в "Деревенской" серии художника. Вблизи его вытянутые вверх небольшие холсты-объекты поражают разнообразием и изысканной слаженностью компонентов — холста, веревки, досок, черно-белых красок, переходящих порой в голубизну и коричневатость. Но тут есть и присущий русской традиции аскетизм — не возникает впечатления "излишнего", навязчиво броского. Чуть отходить от работ, и видишь уже не "материал", а своеобразные лирические фантазии автора на темы деревни, России, природы. Черная "геометрическая" решетка "читается" как образ плетня, изгороди, тына, натянутые белые веревки оборачиваются то белыми стволами берез, то какими-то удивительными сосульками, деревянные вставки напоминают то топорик — атрибут деревенского быта, то дачную веранду, окно, крыльцо — любой проем, сквозь который видна природа. А природа тут сдержанно-зимняя или, может быть, осенняя, с какими-то потухшими травами, цветами,

стрекозами, со снежной белизной полотна, особенно выделяющейся на черном фоне...

О Русь! О деревня! Все эти смутные, словно во сне, проступающие фантазии много говорят нашему сердцу, хотя и невнятно, смутно, бессвязным бормотанием. Как те, поперек холста нарисанные и почти не читаемые слова, которые в этом контексте зимней заброшенности, отрешенности, погруженности в себя и в медленную, тихую, почти заснувшую жизнь природы воспринимаются, как робкий, но жгучий призыв к соучастию.

Как послание к неведомому другу.

Тут что-то фетовское: "Друг мой, друг далекий, вспомни обо мне!"

А что же "Перевернутое дерево"? Не знаю, не знаю. Для меня в этих "объектах" (а это уж точно "объекты", а не говорящие с тобой "субъекты") слишком много холодно-головоуны. Каббалистическая догматика, которая не стала увиденным личным откровением.

Да, и еще об одном. В "Деревенской" серии изысканная техничность как бы противостоит простым и даже простодушным мотивам деревенского бытия. Автор здесь отпускает себя на волю, решается быть чуть корявым. Положим, криво обрубить кусок дерева, густо, порывисто и неровно наложить краску...

И вот эта-то "косолапость" на фоне общей изысканности исполнения особенно почему-то пленяет. Намекает на живую, непреходящую реальность. Думаю, что и "дерево" художника постепенно зеленеет, нальется соками жизни.

Вера ЧАЙКОВСКАЯ